

Евгений Трубецкой

Спор Толстого и Соловьева о государстве

Евгений Трубецкой

**Спор Толстого и
Соловьева о государстве**

«Public Domain»

1910

Трубецкой Е. Н.

Спор Толстого и Соловьева о государстве / Е. Н. Трубецкой — «Public Domain», 1910

ISBN 978-5-457-13297-9

«На Религиозно-философском обществе лежит печальный долг помянуть двух великих усопших – только что скончавшегося Л. Н. Толстого и почившего десятью годами раньше Вл. С. Соловьева. Невольно хочется соединить эти два имени в одном общем поминовении: объединяются они, разумеется, не одним случайным совпадением дат, а общей религиозной задачей, которую каждый из них решал по-своему: это – практическая жизненная задача осуществления Царствия Божиего на земле. За невозможностью в пределах небольшого реферата рассмотреть вопрос во всей его необозримой широте и сложности, я ограничусь одной лишь его стороной – специальным вопросом о государстве, о том, как надлежит отнестись к нему с религиозной, христианской точки зрения. Известно, что именно по этому вопросу Соловьев и Толстой пришли к диаметрально противоположным взглядам...»

ISBN 978-5-457-13297-9

© Трубецкой Е. Н., 1910
© Public Domain, 1910

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Евгений Трубецкой

Спор Толстого и Соловьева о государстве

1

На Религиозно-философском обществе лежит печальный долг помянуть двух великих усопших – только что скончавшегося Л. Н. Толстого и почившего десятью годами раньше Вл. С. Соловьева. Невольно хочется соединить эти два имени в одном общем поминовении: объединяются они, разумеется, не одним случайным совпадением дат, а *общей религиозной задачей*, которую каждый из них решал по-своему: это – практическая жизненная задача *осуществления Царствия Божиего на земле*. За невозможностью в пределах небольшого реферата рассмотреть вопрос во всей его необозримой широте и сложности, я ограничусь одной лишь его стороной – специальным вопросом о *государстве*, о том, как надлежит отнестись к нему с религиозной, христианской точки зрения. Известно, что именно по этому вопросу Соловьев и Толстой пришли к диаметрально противоположным взглядам. Но, будучи полнейшими антиподами в других отношениях, оба сходились между собой в одной общей черте, в одном общем религиозном требовании, которое лучше всего может быть выражено словами Евангелия:

«Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам»².

Оба были убеждены, что Царствие Божие должно стать всем во всем человеческом обществе, что нет того интереса, нет той сферы человеческой жизни, которая могла бы оставаться ему внешней или чуждой. Оба относились к Царствию Божию как к той евангельской жемчужине, ради которой купец отдал все, что он имел. Но, исходя из этой общей посылки, оба пришли к диаметрально противоположным выводам. Соловьев в ранний и средний периоды своей деятельности высказывал взгляд, от которого, как мы увидим, он отрешился впоследствии: он требовал включения государства в Царство Божие. Наоборот, Толстой настаивал на необходимости совершенного его упразднения.

Теократия или *анархия*, святая государственность, подчиненная Церкви, или полное отрицание государства, так ставился вопрос, служащий предметом этого спора. Огромная его важность явствует из того, что мы имеем здесь дилемму религиозного сознания, которая с первого взгляда кажется неустраимой. Если Царствие Божие в самом деле не допускает рядом с собой какой-либо нейтральной сферы – внебожественной общественности, то, с религиозной точки зрения, как будто и в самом деле не может быть иного отношения к государству, кроме этих двух: или оно должно влиться в состав богочеловеческого союза, стать звеном всемирной теократии, или же, если оно неспособно стать вместилищем истинной, божественной жизни, оно должно исчезнуть с лица земли. Возможно ли, с религиозной, в частности с христианской, точки зрения, какое-либо третье решение?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны внимательно рассмотреть оба термина только что сформулированной дилеммы. И прежде всего нетрудно убедиться в полной несостоятельности теократического взгляда Соловьева.

Включение государства в Царствие Божие представляется невозможным прежде всего потому, что Царствие Божие есть совершенно *свободный* союз между Богом и человеком; между тем государство по самому своему понятию есть союз *принудительный*. Теократическое государство по самому существу своему не мирится с требованием свободы совести,

¹ Доклад, прочитанный на собрании Религиозно-философского общества в Москве 30 ноября 1910 г.

² «Ищите... Царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам». – Мф. 6,33.

которое, с христианской точки зрения, представляется неперенным условием истинной религиозной жизни: ибо в нем и через него человек входит в состав богочеловеческого союза *не как верующий, а как подданный*. Одно из двух – или теократическое государство включает в свой состав только граждан какого-либо определенного вероисповедания; в таком случае о свободе вероисповеданий в нем не может быть и речи; или же оно допускает в себе лиц всевозможных вероисповеданий; но если так, то оно совершает еще более жестокое насилие над совестью своих граждан: совершенно очевидно, что какой-нибудь еврей, мусульманин или просто неверующий не может добровольно, по внутреннему убеждению, осуществлять дело Христово на земле. «Свободная теократия», о которой мечтал Соловьев, – одна из самых противоречивых фантазий, какие когда-либо зарождались в человеческой голове. Не совмещающаяся с идеалом христианской свободы, теократия не соответствует и требованию полноты религиозной жизни. Из того, что единение человека с Богом должно быть всецелым и полным, следует не то, что государство должно стать частью Царства Божия, а как раз наоборот, что в этом Царстве для него нет места. Религиозный идеал требует не включения государства в теократическую организацию, а, напротив, исключения его из Царства Божия. Христос в своем царстве хочет видеть в людях друзей, а не подданных. Он хочет господствовать не как принудительная власть, а как истина. Но тем самым теократия осуждена с христианской точки зрения. *Идеал Царствия Божия не теократичен, а анархичен*: ибо вместе с миром в нем окончательно исчезает всякая мирская власть.

С этой точки зрения мы можем признать ту относительную долю истины, которая заключается в «новом жизнеописании» Толстого. Его оценка государства, несмотря на ее несовершенство, все-таки заслуживает предпочтения перед оценкой теократическою. Он прав в своем утверждении, что Царствие Божие безгосударственно, что государство несовместимо с идеалом христианского совершенства.

Но здесь, как и всюду, рассуждения Толстого обесцениваются основным его заблуждением – отрицанием того самого религиозного содержания, которое составляет отличие Царствия Божия от всего мирского, временного. Поэтому самое учение о непротивлении злу в связи с отрицанием государства у него оторвано от его положительного смысла.

В учении Христа Царствие Божие есть мистический порядок, в котором совершенно и окончательно побеждается зло, и человек становится едино с Богом. Сущность этого порядка коротко и ясно выражается предсмертными словами Христовыми: «Отче святой, соблюди их во имя Твое, тех, которых ты мне дал, чтобы они были едины, как и Мы»³.

В этом мистическом единстве Царствия Божия заключается окончательный смысл всех нравственных требований Евангелия, в том числе и заповеди «непротивления злу». В этом царстве, где у человека нет своей жизни, отдельной от Бога и от других людей, никто не должен утверждать себя как обособленную *личность*, а потому все должны прощать личные обиды – не противиться злу, а подставлять левую щеку тому, кто ударит по правой. Но если во имя всеединства, ради любви к Богу я не должен сопротивляться делающему *мне* зло, то та же заповедь, очевидно, неприложима к тем случаям, когда зло причиняется другим людям. Тот же долг любви, тот же идеал всеединства, который в одних случаях заставляет меня подставлять щеку под удар, в других случаях требует, чтобы я силой воспрепятствовал убийству или покушению на честь женщины.

Ошибка Толстого в том, что он утверждает заповедь непротивления злу как *безусловное нравственное начало*, которое выражает собою сущность и смысл христианского учения о Царствии Божием. Между тем в подлинном христианском жизнепонимании этому принципу принадлежит значение подчиненное и ограниченное. Он не есть цель сам по себе, а лишь *средство* для утверждения мистического начала всеединства в человеческих отношениях.

³ «Отче Святой, соблюди их во имя Твое...» – Ин. 17, 11.

Злом с христианской точки зрения является не всякое насилие как таковое, а только то, которое противно духу любви. Став на эту точку зрения, Соловьев в «Трех разговорах» успешно доказывает несостоятельность тех возражений Толстого против государства, которые ссылаются на заповедь непротивления злу. Доводы «генерала» в первом разговоре тут, очевидно, имеют существенное значение. Существование башибузуков, поджаривающих на огне христианских младенцев, оправдывает необходимость мирской организации, которая обуздывает человека-зверя⁴ силою вещественного оружия.

Говоря словами Соловьева, безусловно неправым должно быть признано самое начало зла как таковое, а не те или другие способы борьбы с ним, как меч, война и принудительные меры государственной власти. Словом, Соловьеву нетрудно доказать против Толстого, что государство не есть зло: по сравнению с тем хаотическим состоянием общества, где, говоря словами Гоббса⁵, «человек человеку волк», оно представляет собою даже относительное благо. Но для *религиозного* оправдания государства этого недостаточно: ибо религиозный идеал требует безусловного *совершенства*. В указаниях Толстого на несовместимость государства с идеалом христианского совершенства есть чрезвычайно много положительного и ценного.

Какова бы ни была *относительная* польза, приносимая государством, совершенно очевидно, что оно несовместимо с *полнотою* обладания Бога человеком. Чтобы всею душою и всеми помыслами принадлежать к Царствию Божию, как того требует религиозный идеал, — человек должен отрешиться от всяких забот о завтрашнем дне и жить, как птицы небесные. Но что такое государство, как не олицетворенная забота о завтрашнем дне? Может ли оно вообще существовать, если евангельский идеал будет осуществлен во всей полноте, без всякого снисхождения к человеческой слабости?

⁴ Ср. с трактовкой «зверя» и «зверопоклонства» в книге «Два Зверя» (М., 1918): первый «зверь» — большевизм, второй — реакция: Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 308–313.

⁵ Гоббс Томас (1588–1679) — английский философ-материалист, антрополог, государствовед. Соч.: Сочинения: В 2-х т. М., 1989.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.